

ЭРИК КУРМАНГАЛИЕВ: Я НЕ ЛЮБЛЮ БОЛЬШОЙ ТЕАТР ЗА ПРЕДАТЕЛЬСТВО...

В Большом зале консерватории прошел сольный концерт оперного исполнителя Эрика Салим-Мерюзета, больше известного как Курмангалиев.

Он долго молчал.

Полгода назад отказывался от интервью из-за боязни «сказать что-то не так». И вдруг — большой концерт в Москве. Первый за последние десять лет.

Наталья ЧЕРКАШИНА

— Все эти годы разнообразием не отличались: концерты, репетиции, поездки... — говорит Эрик. — В последнее время почему-то стали проявлять ко мне интерес российские города — Ростов-на-Дону, Краснодар, Екатеринбург, Москва...

Курмангалиев похож на соседа из квартиры напротив, который постучал в твою дверь, чтобы попросить соль или спички. В туфлях на босу ногу, смахивает со лба непослушную прядь волос... Прямо как хиппующий музыкант. Ничто не выдает в нем мировую знаменитость — лишь суетность, стремительность движений. И сатиновая рубашка сидит на плечах, как халат из тончайших шелков. «Эрик — звезда!» говорят о нем. — Удивительно красивый и богатый внутренне человек». А еще говорят, что Курмангалиев «поцелован богом». Обладатель уникального «женского» голоса, он может «взять» целых шесть октав. Эрик смеется в ответ: «Неужели? Мой рабочий диапазон — три октавы».

Эрик Салим-Мерюзет (Курмангалиев) родился в Казахста-

не. В 80-м дебютировал на сцене ленинградского Большого зала филармонии имени Шостаковича. Через семь лет становится лауреатом международного конкурса молодых певцов в Хертогенбоше (Нидерланды). А год спустя на фестивале советской музыки в Бостоне меломаны твердили в один голос: «Феномен!» Долгое время Курмангалиев носил звание «первого контртенора страны», но время откорректировало музыкаведческие штампы. Кто же он — контртенор или альт?

— Именно альт, — считает певец. — Контртенор — это фальцетный стиль пения, который, в принципе, не предусматривает большого голосового диапазона. Контртеноры не могут петь оперу, а я могу. До этого я исполнил «барочную» музыку Россини. После того как кастраты вышли из моды, Россини писал музыку для меццо-сопрано и контральто. Но я нарушал традицию, пел по-своему.

В музыкальной классической среде живет такая шутка: все могу — от Баха до пляшущего канкан Оффенбаха! Вдовесок к своему «могу» Курмангалиев предлагает обширный репертуар. Его «хочется» представлено романсами Чайковского и Рахманинова, произведениями Гайдна, Вивальди и Шнитке. Да с таким репертуаром можно штурмовать большие театральные площадки!

— Большой театр — это, простите, тряпина и дележка мизерных зарплат, — продолжает Эрик. — Я не люблю Большой за предательство в музыке.

И новые театры Курмангалиев не жалуется. Принцип «чем больше понты — тем лучше» срезает искусство на корню. Единственный артист, который умело вживляет разноцветные нити поппсы в оперную ткань, — Николай Басков. Скрипачку Ванессу Мэй, по мнению Курмангалие-

ва, «классики» ценят за длину ног. А скрипичный смычок в ее тонких пальцах сродни кия в руках прекрасной леди. Такая играет в бильярд, чтобы... изогнуться в красивой позе.

Говорят, что Курмангалиев — единственный мужской голос, поющий женские арии.

Насчет «мужского» я сомневаюсь. Как не может быть женского баса (Аманда Лир — редкое исключение), так не может быть мужского сопрано. Мужское и женское парят над искусством!

В минувшую пятницу в зале Московской консерватории парил его необычный голос. Этот сольный концерт Курмангалиев посвятил «великолепным учителям» — Святославу Рихтеру и Нине Львовне Дорлеак. Звучали романсы «То было раннее весною» на стихи Алексея Толстого, рахманиновское «Утро» и речитатив Ратмира из «Руслана и Людмилы» Глинки под фортепианный аккомпанемент Ирины Кирилловны. Во втором отделении на сцену вышел обновленный Эрик. Черный фрак он сменял на неизменную сатиновую рубашу и уселся на стульчике, скромно сложив руки, за спинами скрипачей и альтов из Государственного струнного квартета имени Глинки. Гайдн, Façt me vette. Низкий поклон публике. И органисту — лауреату международных конкурсов Николаю Григорьеву. Страделла, Pieta Signore. Еще поклон. Россини — католическая молитва Ave Maria. Деменундо звуков и... вечность паузы, ведь грамотная консерваторская публика знает, что хорошая музыка — это та, после которой наступает тишина. Ave, Салим-Мерюзет! Gratia plena! Крепко аплодисментов и... легкий укор поклонников в адрес звезды. Вивальдиевская «Радуйся, Мария», заявленная в концертной программе, почему-то не прозвучала...

